

мас.
9763

ФЕЛЬЕТОНЪ.

РАЗСКАЗЫ А. ЧЕХОВА.

I.

«Вѣкъ богатырей» отшумѣлъ и промелькнулъ давно. Богатыри свершили свое дѣло, и на смѣну имъ вышли «мошки да букашки», изображающія изъ себя ту «децентрализацію», къ которой идетъ человѣческое существованіе во вѣхъ видахъ и формахъ.

Лермонтовъ жаловался на «упадокъ повѣстей въ стихахъ»... Теперь повѣстей въ стихахъ и вовсе нѣтъ. Прочвѣтаетъ исключительно мелкая поэзія—поэзія лирическая да и то прочвѣтаетъ болѣе, чѣмъ скромно... Нѣтъ богатырей, нѣтъ и дѣлъ богатырскихъ!

Мелочность, раздробленность и лилипутство во всемъ. Даже объемъ современныхъ беллетристическихъ произведеній по большей части весьма не внушительнъ. Это бы конечно не бѣда, если бы микроскопическая внѣшность не соответствовала микроскопичности содержанія.

Когда выступилъ съ своими разсказами г. Максимъ Вѣлинскій, казалось—короче и мельче нельзя трактовать сюжетъ. Но вотъ появился г. Чеховъ и опровергъ это заблужденіе.

Отчего, въ самомъ дѣлѣ, такъ съузилась концепція нашихъ беллетристовъ? Отъ того ли, что нечего наблюдать и нечего писать? Оттого ли, что ихъ наблюдательность лишена способности суммироваться и годится лишь на каждый отдѣльный случай? Оттого ли, наконецъ, что поле для наблюдений у современныхъ писателей сужено и они живутъ тою половинчатою жизнью, въ которой есть отрывки,—начала и концы,—и нѣтъ ничего цѣльнаго? Трудно остаться на какомъ-либо одномъ изъ

этихъ предположеній, потому что всѣ они одинаково правдоподобны и совокупностью своею вполне объясняютъ недостатки современной беллетристики, о которыхъ мы сейчасъ говорили.

Если бы можно было одновременно пробѣжать все то, что пишется и писалось за послѣднее время, и подвести итоги этому писанью, мы увидѣли бы, что каждый беллетристъ, не въ концѣ бездарный, непремѣнно улавливаетъ ничтожную черточку, характеризующую его время и эту черточку налагаетъ на героя, очень давно знакомаго намъ. Такая черточка весьма драгоцѣнна, но писатель, случайно подмѣтившій ее, сейчасъ начинаетъ злоупотреблять своимъ открытіемъ и вездѣ о чемъ бы ни шла рѣчь—къ мѣсту и не къ мѣсту,—испещряетъ своихъ героевъ тѣми же самыми черточками. Даже когда онъ и не столь грубо эксплуатируетъ свою куриную наблюдательность, его произведенія все-таки удручаютъ однообразіемъ и узкостью: но разъ онъ начинаетъ варьировать свой крохотный типикъ, эти варіаціи надоѣдаютъ читателю въ концѣ.

Тѣ беллетристы, которые не занимаются варіаціями, и пишутъ лишь «видѣнное», — при незначительномъ матеріалѣ для наблюдений и при неэластичности своихъ наблюдательскихъ способностей, въ лучшихъ случаяхъ—набѣгаютъ повторенія, но за то страдаютъ недостаткомъ, ничуть не менѣе прискорбнымъ и досаднымъ. Такой наблюдательный беллетристъ не станетъ прибавлять своихъ черточекъ и старается придерживаться «оригинала». И вотъ, онъ начинаетъ пересказывать видѣнное и слышанное. Пересказываетъ съ чувствомъ, съ толкомъ и большою обстоятельностью. Вы найдете у него описанія природы, точное обозначеніе времени и мѣста дѣйствія, «разговоры», остроты, порою мнѣнія, замѣчанія и сравненія—но... Вотъ въ томъ-то и бѣда, что у современныхъ беллетристовъ

«но» имѣтъ преобидное и предосадное значеніе. За этимъ «но» скрывается полное отсутствіе серьезнаго содержанія въ эскизахъ, поверхностность, мелкость и мелочность изложенія.

Встрѣчаетесь вы, на примѣръ, съ какимъ-нибудь человѣкомъ. Потолковали и разошлись. Можетъ быть онъ и оставилъ въ васъ нѣкоторое впечатлѣніе, но настолько неопредѣленное и неглубокое, что вы, конечно, не придадите ему ни малѣйшей цѣны. Вы скажете, — «я видѣлъ его только разъ» — или даже два и уклонитесь отъ сужденій. Вы будете правы, ибо нужно видѣть человѣка въ какомъ-либо совершенно особенномъ положеніи, чтобы составить себѣ точное понятіе о немъ при первой же встрѣчѣ.

Герои современныхъ беллетристовъ производятъ именно такое впечатлѣніе; мы встрѣчаемся съ ними какъ-то мимоходомъ и расстаемся, спрашивая себя, — «что это за люди?»

Впрочемъ, хорошо даже и то, если спрашиваютъ: «что это за люди?» Хуже, когда говорятъ, что это не люди, а какіе-то манекены или туманные призраки людей.

Переходя теперь къ разсказамъ г. Чехова, мы прежде всего должны наклеить на нихъ ярлычекъ разсказовъ второй категоріи, то есть наблюдательныхъ, хотя, порою, г. Чеховъ не прочь и отъ «самостоятельнаго творчества».

Не особенно сильное впечатлѣніе производятъ писанія г. Чехова. Вотъ хотя бы его книжечка «Разсказовъ», вышедшая въ текущемъ году вторымъ изданіемъ. Въ ней есть и «заводи» и «болота» и «чепыга» и всякія такія детали. Есть описаніе пейзанскихъ панталонъ и офицерской пашки; есть нѣсколько контуровъ красавицъ и красавцевъ; есть даже немножко философіи — но нѣтъ главнаго: связи между событіями, которая сообщала бы произведенію цѣльность; нѣтъ серьезности въ разрабатываніи сюжета; нѣтъ глубокой

блокадательности и, что важнѣе всего, нѣтъ ни одной опредѣленной, ясно вычерченной человѣческой фигуры.

У г. Чехова даже не разсказы и не очерки; у него *наброски, сценки*, какъ удачныя, такъ и неудачныя. Нѣкоторые дружественные критики пророчать г. Чехову «большую будущность». Не имѣя удовольствія лично знать его, мы рѣшительно ничего не имѣемъ противъ такого пророчества: быть можетъ г. Чеховъ проживетъ два Магусаиловыхъ вѣка, напишетъ ровно двѣ тысячи триста разсказовъ, но чтобы онъ содалъ что-либо крупное, что-либо законченное, что-либо значительное, — сомнѣваемся, мало того — не вѣримъ.

Г. Чеховъ, повидимому, толкался между людьми, видѣлъ ихъ много и иногда очень основательно подмѣчалъ. Но подмѣчалъ онъ не какъ художникъ, которому по двумъ-тремъ черточкамъ дано понять всю нравственную фигуру человѣка, а какъ обыкновенный смертный. За парой внѣшнихъ черточекъ, онъ уже остальнаго не видитъ и не угадываетъ. А такъ какъ судьба не послала г. Чехову на долгое сожителство и изученіе ни одного особенно интереснаго типика, то типиковъ у него и нѣтъ, а есть лишь легкіе намеки, притомъ столько разъ повторившіеся, что слушать ихъ не очень интересно. Мозаичное письмо г. Чехова имѣетъ лишь кое-какія внѣшнія достоинства: довольно опрятную форму, живой, литературный языкъ и юморъ, — очень дешевенькій и не глубокій, но мѣстами безспорно жизненный.

Въ большинствѣ случаевъ г. Чеховъ пишетъ такъ. Выхватитъ изъ жизни какого-нибудь субъекта, и заставитъ поболтать съ другимъ. Потомъ, когда «субъекты» наболтаютъ страницъ пять-шесть, г. Чеховъ ставитъ точку и тащитъ другихъ субъектовъ, которые продѣлаютъ точно такую же штуку. Рѣдѣ-

3
ствие этого, какъ мы уже говорили, рассказы г. Чехова носятъ на себѣ характеръ бѣглыхъ сценокъ и не производятъ никакого прочнаго впечатлѣнія. Если же автору удастся отступить отъ обычной манеры, то опять-таки, не на утѣху и радость читателя. Тогда г. Чеховъ вмѣсто сценки даетъ анекдотъ, интересный по фабулѣ, но слабый и грубый по разработкѣ.

Какой-то рецензентъ, разбиравшій рассказы г. Чехова, пытался объяснить его «кратконисъ» продолжительнымъ сотрудничествомъ въ юмористическихъ листкахъ, гдѣ требуютъ отъ рассказа, прежде, чтобы онъ былъ посмѣшнѣе и поменьше. Полагаемъ, что такое толкованіе неосновательно. Изъ подробнаго знакомства съ произведеніями г. Чехова вывести такого заключенія нельзя. Видно, что каждый его рассказъ *вполнѣ законченъ*—и что авторъ выболталъ все, что могъ выболтать. Мелочность концепціи г. Чехова очевидно въ его натурѣ и газеты тутъ рѣшительно не при чемъ. Наконецъ, если бы у г. Чехова была склонность къ крупнымъ произведеніямъ, то, конечно, толстые журналы не закрыли бы для него своихъ страницъ. Уже если въ нихъ печатаются всѣ эти *Иксы* и *Игреки*, съ значительными меньшими творческими способностями, чѣмъ г. Чеховъ, то ему и подавно нашлось бы мѣсто. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что г. Чехову именно склонности къ «большому» и недостаетъ. При наличности же этой склонности, онъ, конечно, былъ бы ни чуть не худшимъ беллетристомъ, чѣмъ, напримѣръ, г. Максимъ Бѣлинскій, съ его длинными, совершенно безсодержательными и хлыщевато-претенціозными романами.

Н. Гозоровъ.

«К. П. Медведский»

(Продолженіе слѣдуетъ).